

Притча как жанрообразующее начало «Повести о Варлааме и Иоасафе»

В XIX в. и в первой половине XX в. при характеристике жанра «Повести о Варлааме и Иоасафе» исследователи обращали внимание на ее романную сторону. А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, И. Франко определяли «Повесть о Варлааме и Иоасафе» как «духовный роман»¹. П.В. Владимиров в своем курсе древнерусской литературы называл произведение «одним из популярнейших романов древности»². А.С. Орлов писал о «Повести» как о «религиозном романе» с «включенными в его рамку притчами и анекдотами»³.

В современной научной литературе в определениях жанра «Повести о Варлааме и Иоасафе» подчеркиваются ее житийная и назидательная стороны. О.В. Творогов определяет произведение как «нравоучительную повесть»⁴. И.Н. Лебедева, детально исследовавшая рукописную историю «Повести» в древнерусской литературе, характеризует ее жанр преимущественно с функциональной стороны. «Повесть», по ее словам, «воспринималась и как вымысел, и как жизнеописание реально существовавших подвижников, т.е. как произведение агиографического жанра, как житие»⁵. Далее И.Н. Лебедева останавливается на формуле, выявленной из названия самого произведения в его греческой версии: «душеполезная повесть»⁶.

Представляется, что обе точки зрения на жанр «Повести о Варлааме и Иоасафе» верны — но каждая только отчасти. Произведение объединяет в себе черты и романа, и жития, и наделено при этом ярко выраженной учительной притчевой тенденцией. Мысль о принципиальной неоднородности жанра произведения в свое время формулиро-

¹ Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1859. С. 124; Веселовский А.Н. Повести // Галахов А. История русской словесности: В 2 т. 3-е изд. М., 1894. Т. 1. С. 422; Франко И. Варлаам і Иоасаф — старохрист'янський духовний роман і його літературна історія. Львов, 1895–1897.

² Владимиров П.В. Древняя русская литература Киевского периода XI–XIII веков. Киев, 1900. С. 103.

³ Орлов А.С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XVII веков. Л., 1934. С. 69.

⁴ Белоброва О.А., Творогов О.В. Переводная беллетристика XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования. Л., 1970. С. 143.

⁵ Повесть о Варлааме и Иоасафе / Подг. текста, исслед. и комм. И.Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 30.

⁶ Там же. С. 31.

вал М.Н. Сперанский, писавший о нем как о «средневековой романической повести в форме жития»⁷.

«Повесть о Варлааме и Иоасафе» не является сложившимся и однозначным в жанровом отношении произведением. Жанровое состояние «Повести» характеризуется целым рядом качественно различных начал, в том числе романным и житийным. Эти жанровые начала возникают и развиваются в процессе развертывания сюжетики «Повести», вступают во взаимодействие, образуют подвижную и во многом противоречивую систему и в итоге оказываются синтезированными собственно притчевым началом.

«Повесть» открывается историей, рассказывающей о гонениях Авенира на христиан. В рамках этой истории формируется одно из основных сюжетных противоречий произведения — религиозное противоречие царя-язычника и его подданных-христиан.

Новая религия неудержимо распространялась в стране Авенира и многие уверовавшие подданные уходили в монахи и отшельники. Даже один из ближайших советников царя стал монахом. В ответ разгневанный Авенир открыл гонения на христиан и повелел мучить каждого христианина, пока тот не отречется от своей веры.

Противоречие Авенира и христиан носит глобальный характер, поскольку охватывает масштабы целой страны: противостоящими сторонами выступают институт власти и значительная часть народа. При этом в своем жанровом смысле данное противоречие подобно сюжетному противоречию мартирия. Соответственно, и история гонений, движущим началом которой является это противоречие, приобретает жанровые черты мартирия.

Итак, «Повесть о Варлааме и Иоасафе» открывается сюжетом религиозных гонений и мученичества. Мартирийная тема проходит через все повествование произведения. Этой теме посвящены многие существенные по своей значимости истории «Повести» — такие как история о царском приближенном, ставшем пустынником, история о рождении Иоасафа и предсказаниях его судьбы, история о сожженных монахах, о розысках Варлаама и др.

Однако в истории гонений обозначается и другое, совершенно отличное по жанровому содержанию и характеру противоречие частной жизни и личной судьбы Авенира. Царю не судьба иметь детей, и это обстоятельство ввергает его в глубокую печаль. Это значит, что с самого начала в «Повести», наряду с мартирийным сюжетом, формируется сюжет принципиально иного жанрового значения — романный.

⁷ Сперанский М.Н. История романа и повести до XVIII века. М., 1911. С. 92.

Этот сюжет сначала развивается независимо от мартырийного, ориентирован на Авенира и изображает своего героя как мирского и частного человека вне сферы общественных отношений и конфликтов — но в сфере его личной судьбы. С появлением в повествовании фигуры царевича Иоасафа глобальный мартырийный сюжет и локальный — частный, личный — романский сюжет вступают во взаимодействие. Это происходит следующим образом.

По мере развертывания сюжетики «Повести» мартырийное противоречие Авенира и христиан «Индийского царства» приобретает все более явственную личную окраску. Вторая история «Повести» рассказывает о военачальнике и друге царя, ставшем пустынником. Здесь распространяющееся христианство уже непосредственно задевает Авенира. И вполне личным мартырийное противоречие становится в следующей, ключевой истории «Повести», рассказывающей о рождении у Авенира сына и предсказаниях его судьбы. Сначала христианство и идея отшельничества лишили царя многих верных слуг и друга, теперь грозят увлечь и единственного сына. Противоречие Авенира и христиан в конце концов касается личной судьбы царя, поскольку захватывает в свою сферу его сына. Судьба детей — это и судьба их родителей, и поэтому мы вправе утверждать, что романское противоречие жизни и судьбы вновь вырастает перед Авениром. В установившуюся было жизнь царя снова вторгается судьба как неотвратимая угроза потери долгожданного сына. Здесь оба сюжетные противоречия «Повести» — мартырийное и собственно романское — практически сплавляются в одно целое: Авенир пытается удержать сына в сфере мирской жизни, сохранить его как своего наследника и преемника и по этой причине не только изолирует его от внешнего мира, но и в очередной раз устраивает беспощадные гонения на христиан.

Обратим внимание на явно авантюрный характер положения Иоасафа, находящегося в изоляции, взаперти. Эта ситуация по своему сюжетному значению мало чем отличается от ситуации заключения, тюрьмы, плена, неволи, какие можно в избытке найти в собственно авантюрных сюжетах. Авенир авантюризирует сюжетную ситуацию Иоасафа — и это соответствующим образом влияет на дальнейшее сюжетное развитие «Повести». Мы имеем в виду то обстоятельство, что и Варлаам вынужден проникнуть к царевичу незнанным — под видом купца. Это также вполне авантюрный сюжетный поворот.

Следующая ключевая по смыслу история «Повести» рассказывает об открытиях и разочарованиях Иоасафа.

Юноша упросил отца отпустить его из дворца. Во время одной из прогулок Иоасаф по недосмотру слуг повстречал двух увечных — слепого и прокаженного. Таким образом царевич узнал о болезнях и

сильно опечалился. В другой раз Иоасаф встретил глубокого старца и узнал о существовании смерти. В результате царевич разуверился в жизни, утратил ее смысл.

Иоасафа перестает устраивать окружающий мир, поскольку этот мир несет в себе скорби и печали. Но при этом герой не имеет представления о том, каким должен быть мир или что должно быть вместо этого несовершенного мира. Здесь, собственно, не возникает содержательного противоречия, поскольку не обозначен план должного. Царевич оказывается в ситуации не противоречия, а тупика — психологического и нравственного. Из этого тупика Иоасафа и выводит христианский подвижник Варлаам.

С приходом Варлаама в «Повести» начинается житийный сюжет. Противоречие житийного сюжета, первоначально представленного одним Варлаамом, следующее: царевич (Божий избранник) разочарован в жизни и находится в нравственном тупике — святой отшельник должен помочь ему обрести истинное знание о мире и веру как путь, выход из жизненного тупика. Варлаам обращает Иоасафа в христианство. Царевич обретает смысл и цель — теперь уже «в Боге значительной жизни». Он стремится, подобно учителю, стать пустынножителем. Тем самым образ Иоасафа также наполняется собственно житийным содержанием. Герой становится субъектом нового — житийного противоречия: он намерен удалиться в пустыню и посвятить себя аскетическим подвигам, но этому препятствует его отец.

Житийное противоречие в дальнейшем полностью определяет путь Иоасафа: царевич теперь принадлежит мирской жизни (и отцу) только внешне, физически. Духом он устремлен к Богу. А это значит, что герой выходит из сферы притяжения мирской жизни. Теперь это житийный герой, наряду с Варлаамом. Испытания словом (убеждения языческого жреца Февды), роскошью и женской красотой в свете устремлений царевича предстают в качестве житийных сцен искушения святого.

Таким образом, к моменту ухода Варлаама в пустыню в «Повести» в полной мере раскрываются три основных и различных по своему жанровому значению конфликта:

мартырийный (гонитель-язычник Авенир и его подданные-христиане);

романный (конфликт частной жизни и личной судьбы Авенира — судьбы отца, вбирающей в себя, как бы «с обратным знаком», и судьбу сына);

житийный (подвижник Варлаам, обращающий Иоасафа, и противостоящий святому Авенир; обращенный Иоасаф, стремящийся к подвижничеству и противостоящий ему Авенир).

Мартирийный конфликт «Повести» вновь обостряется в истории розысков Варлаама. Воспитатель Иоасафа Зардан признался царю, что не смог уберечь царевича от христианской проповеди. Разгневанный Авенир приказал найти Варлаама и под угрозой казни заставить его отречься от христианства на глазах у царевича. Слуги не смогли разыскать старца и привели к царю на допрос христиан-пустынников. Царь велел мучить их, а затем допрашивал о Варлааме. Здесь повествование в полной мере принимает жанровую форму маририя: в сцену допроса включено характерное для этого жанра прение о вере. Старцы ничего не сказали царю о Варлааме, были мучимы и казнены — в полном соответствии с сюжетным каноном жанра.

Перелом в развитии маририйного сюжета «Повести» намечается в истории, рассказывающей о диспуте язычников и христиан и обращении языческого мудреца Нахора в христианскую веру. Христианская идея здесь торжествует: чудесным образом язычников опровергает не кто иной, как сам Нахор — мудрейший из жрецов.

Житийный сюжет получает максимальное выражение в истории искушения царевича женской красотой. Иоасаф, вопреки ухищрениям жреца Февды, выходит победителем из этой борьбы духа и соблазнов. В дальнейшем повествовании расширяется и крепнет именно житийный сюжет «Повести» как сюжет Иоасафа. Романное начало ослабевает — и в отношении Иоасафа, и в отношении его отца Авенира. Иоасаф, подобно героям многих житий, отрешается от мирской жизни и произвола отца и становится пустынноиком. В душе Авенира также происходит типичный перелом, смена ценностных ориентаций: герой отвергает направленное на мирскую жизнь язычество и сам становится ревностным христианином. Тем самым ликвидируется сама ценностная основа романного противоречия и сюжета Авенира. Судьба сына, его предназначение больше не приносят отцу страданий, не вносят разлад в его жизнь.

В финальных историях «Повесть» окончательно выравнивается в жанровом отношении и завершается как житие святых Варлаама и Иоасафа. Таковы истории об уходе Иоасафа от царствования в пустыню, о его поисках Варлаама, о дьявольских искушениях святого (сатана искушает героя воспоминаниями о прежней роскошной жизни, страхом одиночества, является к нему в образе ужасного змея).

Выше говорилось о том, что маририйный сюжет «Повести» носит глобальный характер, поскольку захватывает судьбы не только отдельных лиц (Авенира, военачальника, Иоасафа, Варлаама), но и судьбу целой страны — «Индийского царства». Глобальность маририйного сюжета Авенира и христиан наследуется житийным сюжетом Иоасафа: царевич не только сам становится христианином и святым,

но обращает в христианство все царство, а также убеждает креститься и своего престарелого отца. Тем самым разрешается и ликвидируется мартырийное сюжетное противоречие как таковое.

Важно отметить и другой момент: история и судьба личности оказывается сопряженной с историей и судьбой страны.

Заключают «Повесть» уже в полной мере житийные по характеру истории, рассказывающие о подвижничестве святых, их кончине, об обретении их мощей и посмертных чудесах.

Обратимся к последнему и основному — *притчевому* началу в структуре жанрового состояния памятника.

«Повесть» предстает перед нами не только мартырием, романом, житием, но и учительной беседой, или «духовной беседой», как определяется произведение в самом тексте⁸. Значительную часть «Повести» занимают беседы Варлаама и Иоасафа — беседы учителя и ученика. Они состоят из кратких реплик и вопросов царевича и пространных ответов и наставлений старца. Ответы Варлаама представляют собой популярное введение в христианское вероучение. Старец рассказывает Иоасафу о библейской истории, об Иисусе Христе, крещении, Евангелиях.

Поучения Варлаама включают во множество притчи. Вообще жанр притчи органически сочетается с жанром поучения: образец такого слияния жанров средневековый писатель находил в Евангелиях. Неслучайно в речах старца его притчи перемежаются с евангельскими.

Притчевый характер носят не только истории, рассказанные Варлаамом царевичу. Самый сюжет Варлаама строится как по принципам жития, так и по принципу притчи. По точному замечанию О.В. Творогова, «сюжетные компоненты притчи оказываются на поверку не более чем метафорами ее дидактической идеи»⁹. Варлаам заявляет служителям царевича, что принес с собой «камык честен» (драгоценный камень), который может исцелить Иоасафа от тоски. Наставник Иоасафа просит показать камень. Варлаам отвечает, что камень может видеть только непорочный человек, каким и является царевич.

Драгоценный чудодейственный камень в сюжете Варлаама — не более чем метафора идеи спасительного приобщения к христианской вере. Таким образом, притчевое начало проявляется не только в отдельных назидательных историях, но проникает и в основной, «обрамляющий» сюжет «Повести». Это значит, что сюжет «Повести» и

⁸ Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 262.

⁹ Белоброва О.А., Творогов О.В. Переводная беллетристика XI–XIII вв. С. 162.

вкрапленные в него притчи связаны не только внешне, через систему героев и событий, но и глубинно — на уровне конститутивных жанровых смыслов. Сюжет «Повести» в линии Варлаама так же метафоричен, как и притча.

И.Н. Лебедева справедливо пишет о «Повести о Варлааме и Иоасафе» как об «учительной энциклопедии» всего средневекового читательского мира¹⁰. С тем же основанием «Повесть» можно назвать и средневековой энциклопедией жанров.

¹⁰ Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 31.